

А.А. Дорская

Символы зла в истории российского права

В статье на примере истории российского права рассматривается эволюция понятия «социальная травма», кодирование которого происходило через закрепление определенных символов зла. Показаны различия в понимании символов зла в светском и церковном праве в различные эпохи.

Ключевые слова: символы зла; социальная травма; светское право; каноническое право; злоупотребление; российская правовая традиция; преступление.

Культуральный метод как совокупность методик искусственного культивирования определенных характеристик в целях идентификации явления вполне применим к правовой сфере. Как отмечает один из ярких представителей культуральной социологии Дж. Александер, социальные реалии обретают ценностное содержание только в результате процесса означения, кодирования, которые можно исследовать на примерах конструирования социальной травмы [1; 2].

Понятие социальной травмы непосредственно связано с определенными символами зла, находящими свое отражение в самых различных сферах, в том числе юридической. Категории «зло», «злоупотребление» встречаются в российском законодательстве различных эпох, однако в историко-правовой науке практически нет работ, посвященных так называемым символам зла. Исключением можно считать статью И.А. Исаева «Зло, грех, наказание: герменевтические связи» [8: с. 417–435], в которой данная проблема рассматривается в контексте идей Поля Рикера [19].

Изначально категория «зло» стала формироваться в российской правовой традиции в двух аспектах.

В каноническом праве зло — это все, что является противопоставлением образу Бога-Творца, символизирующего добро. Причем если в западной культуре этот альтернативный образ в Средние века конкретизировался в фигуре дьявола, Люцифера и т. д. [4: с. 60], то в русском праве этого не произошло. Например, в Титуле II Эклоги, заимствованной на Руси вместе с христианством, встречается такая характеристика человека, как «одержимый бесами» [31]. Однако Церковь запрещала развод с такими людьми.

Символом зла в каноническом праве было «разрушение всего» (Титул XVII Эклоги), т. е. хаос. Использовался непосредственно и термин «зло». Так, в пункте 3 было закреплено, что поднимающего восстание против императора или злоумышляющего, или принимающего участие в заговоре против него

или против государства христиан в тот же час должно предать смерти как намеревающегося все разрушить [31].

Семья также рассматривалась как особый мир, который необходимо сохранять и охранять. Например, в пункте 27 Титула XVII говорилось, что «если кто-либо вступит в связь с замужней женщиной, то и он, и она подвергнутся отрезанию носа, потому что из-за такой связи происходит развод и разорение детей и так как при этом не соблюдается заповедь Господня, которая гласит, что Господь соединил их (т. е. состоящих в браке) во едином теле» [31].

В светском праве изначально символы зла были в двух формах. В княжеских уставах это то, за что придется отвечать на Страшном суде (например, статья 14 Церковного устава князя Владимира [28: с. 462]). В Русской Правде зло связано с понятием преступления (обиды), за которое согласно принципу талиона можно совершить такое же зло [13; 16].

В удельный период одним из символов зла впервые становится граница. На эту тему есть интересные исследования основателя германской школы геополитики Карла Хаусхофера (1869–1946). Например, в Новгородской земле под ссылкой понималась высылка за ее пределы. Так, О.В. Мартышин упоминает ссылку как изгнание из общины, ссылаясь на летописи под 1140 годом (заточили в Киев ко Всеволоду Константина Микулинича и с ним еще шестерых мужей) и под 1141 годом (сослали Якуна с братом в Чудь) [14: с. 292].

В удельный период в российском праве понятие зла начало конкретизироваться, в том числе в понятии злоупотребления властью. В Псковской [18] и Новгородской [15] судебных грамотах впервые под обидой стало пониматься не только деяние в отношении конкретного лица, но и в отношении государства, его безопасности, веры и т. д. Сложившаяся в Древней Руси система кормлений, размер которых сначала не регулировался, привела к тому, что должностные лица брали с просителей определенную плату за услуги, и эта система считалась вполне нормальной. Достаточно вспомнить, что преступным считалось, если должностное лицо брало больше или меньше, чем его предшественник [14], т. е. злоупотребляло властью. В первом случае было недовольно население, во втором — происходило посягательство на сложившийся порядок вещей.

В период Московской Руси понятие «зло» конкретизировалось прежде всего в самом термине, обозначающем преступление, — «лихое дело», т. е. «лихо» рассматривалось как синоним «зла». Однако именно в этот период (приблизительно с XV века) возникает новая тенденция трансформации зла в грех.

Сначала это отразилось в изменении цели наказания из возмещения причиненного вреда в устрашение, которое предназначалось для пробуждения в людях страха и жалости с целью «очищения» их душ. Именно поэтому при Иване Грозном к местам казни людей сгоняли насильственно.

В середине XVII века еще одним из символов зла в российском праве стал раскол. Возникла тенденция, которая сохранялась вплоть до Первой российской революции, называть в нормативно-правовых актах старообрядцев именно раскольниками, хотя сами они именовали себя староверами.

Получило развитие и понятие «злоупотребление властью», которое стало символизироваться конкретными деяниями. Так, в статье 1 Судебника 1497 г. запрещались такие злоупотребления, как взяточничество, решение дела несправедливо из-за мести или дружбы с одной из сторон. В статье 2 добавлялся отказ принять дело к рассмотрению и т. д. [22: с. 19]. Решающее значение в определении того, было ли злоупотребление властью, принадлежало великому князю московскому (царю). Так, в статье 7 Судебника 1550 г. было закреплено, что «а которой боярин, или дворецкой, или казначеи, или дьяк жалобника своего приказу отошлет, а жалобницы у него не возмет, и управы ему или указу не учинит, и царю государю челомбитья его не скажет, и учнет тот желобник бити челом государю, что ему управы не учинили, и государь ту его жалобницу отошлет тому, чей суд, и велит ему управу учинити, и бояре ему, или дворецкой, или казначей управы не учинят же, и тем, которые управы не учинят, быти от государя в опале» [23: с. 97–98].

В Соборном уложении 1649 г. символы злоупотребления властью несколько трансформировались. К примеру, статья 11 главы VII устанавливала ответственность за превышение власти, которое на первых этапах со злоупотреблением властью практически не разделялось: «А будет бояре и воеводы без государева указу ратных людей з государевы службы учнут отпущати, и посулы и поминьки имати, а сыщется про то допряма, и бояром и воеводам за то чинити жестокое наказание, что государь укажет» [21: с. 84].

В имперский период вышеназванные тенденции символизации зла получили свое развитие.

Во-первых, поддерживалось восприятие границы как перехода в другой мир, другое состояние. Отсюда, по мнению И.А. Исаева, происходит «имперский порыв в бесконечное пространство» [9: с. 1148], когда подсознательно возникает желание постоянно расширять границы, отодвигая тем самым от себя зло.

Но параллельно наметился и другой способ защиты от зла через его замыкание в определенных границах. Это нашло свое отражение, например, в черте оседлости для иудеев. 9 декабря 1804 г. было издано Высочайше утвержденное положение «Об устройстве евреев», согласно которому иудеям разрешалось жить в Литовской, Минской, Волынской, Подольской, Астраханской, Кавказской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях [5: с. 731–738]. В 1835 г. окончательно были оговорены области, входящие в черту оседлости.

Во-вторых, тенденция отождествления зла и греха нашла свое отражение в новых формах.

Слово «грех» стало использоваться в светском законодательстве. Например, Петр I в Артикулах воинских от 25 апреля 1715 г. использовал понятие «содомский грех» (глава XX — о содомском грехе, насилии и блуде) [3: с. 370].

Законодатели стали применять слово «злость». Так, в Артикуле 146 было закреплено, что «кто с сердцем и злости кого тростью или иным чем ударит и побьет, оный руки своей лишится» [3: с. 362].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. впервые целью наказания было провозглашено перевоспитание преступника как искупление греха-преступления. Само название первого уголовного кодекса России предполагало систему исправительных наказаний, закрепленных в статье 34 [29: с. 603–604]. Термин «зло» встречался в целом ряде статей и приравнивался к преступлению и его негативным последствиям. Так, в пункте 1 статьи 98, определявшей обстоятельства, исключющие уголовную ответственность, к таковым была отнесена «совершенная невинность того деяния, коего случайным и непредвидимым последствием было сделанное зло» [29: с. 616].

В-третьих, символы злоупотребления властью приобрели новые черты. В Артикулах воинских 1715 г. были добавлены злоупотребления властью воинских чинов. Так, артикул 65 закрепил, что «кто из офицеров при выдаче жалованья, корму и провианту, возмет на излишнее число салдат и более, нежели он уреченное число имеет денег, оный не токмо, яко неверный слуга, чину своего без абшиту лишится, но и весьма по случаю времени и обстоятельства, на галеру сослан, или яко вор живота лишен будет» [29].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. появилось любопытное разграничение понятий «лихоимство» и «мздоимство». Раздел «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» содержал главу VI «О мздоимстве и лихоимстве» [29]. Статья 401 определила мздоимство как принятие чиновником или иным лицом, без всякого в чем-либо нарушения своих обязанностей, подарка, состоящего в деньгах, вещах или в чем бы то ни было ином. В статье 402 устанавливалась ответственность за лихоимство, квалифицированное здесь как принятие в дар денег, вещей или чего иного для учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы. Причем данные статьи были повторены и в последующих редакциях Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1866 и 1885 гг. (соответственно статьи 372 и 373).

Особое место в Уложении о наказаниях 1845 г. было уделено вымогательству, к которому были отнесены: «1) Всякая прибыль или иная выгода, приобретенная по делам службы притеснением или же угрозами и вообще страхом притеснения; 2) Всякое требование подарков или же неустановленной законом платы, или ссуды, или же каких-либо услуг, прибылей или иных выгод по кающемуся до службы или должности виновного в том лица делу или действию, под каким бы то ни было видом или предложом; 3) Всякие неустановленные законом или в излишнем против определенного количества поборы деньгами, вещами или чем-либо иным; 4) Всякие незаконные наряды обывателей на свою или же чью-либо работу» (статья 406). Данная статья была повторена и в последующих редакциях Уложения о наказаниях (статья 377).

Несмотря на такие серьезные законодательные разработки все-таки точность не воспринималось населением как символ зла, а считалось, скорее, обычаем делового оборота. В.Я. Гросул приводит следующий пример: «Император Николай I... поручил... III отделению разобраться в том,

кто из губернаторов не брал взятку. Результат оказался весьма плачевным. Из 55 губернаторов лишь трое взяток не брали. Это был богатый Н.Е. Писарев, бывший декабрист А.Н. Муравьев и сын автора известного путешествия А.А. Радищев. Никаких особых действий со стороны императора после этого не последовало» [7: с. 19].

Однако нельзя считать, что в имперский период в правовой сфере не появлялись и новые символы зла. Например, в 1905 г. Комитет министров применил в отношении Римско-католической церкви термин «воинствующая» [20: л. 156 об]. Это сразу дало властям возможность законодательным путем препятствовать активности католиков в привлечении российского населения в свою веру и закрывать католические костелы, филии и каплицы.

Радикально символы зла изменились в советском праве. Термин «зло» фактически перестал применяться в законодательстве, видимо, из-за восприятия его в совокупности с грехом в дореволюционный период.

Главных символов зла советской эпохи можно выделить четыре.

Во-первых, термин «контрреволюция», широко применявшийся в первые годы Советской власти. Статья 57 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. определила как контрреволюционное «всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции Р.С.Ф.С.Р. Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. средствами» [25]. Несмотря на то, что в дальнейшем законодательные формулировки относительно контрреволюции стали не такими жесткими, а затем и вовсе исчезли, любой возврат к прошлому, обращение к дореволюционному опыту рассматривались как недопустимые.

Во-вторых, абсолютным символом зла в Советском государстве считалась частная собственность. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. в условиях новой экономической политики еще допускал такую форму собственности, что было отражено в статье 52: «Различается собственность: а) государственная (национализированная и муниципализированная), б) кооперативная, в) частная» [6]. Однако в период коллективизации данный термин исчез из российского права. В Примерном уставе сельскохозяйственной артели 1930 г. его пытались заменить такими понятиями, как «единоличное пользование» (статья 2) и «личное пользование» (статья 4) [17]. Не предусматривала понятие частной собственности и Конституция СССР 1936 г. В статье 5 Конституции было закреплено, что социалистическая собственность в СССР имеет либо форму государственной, либо колхозно-кооперативной собственности [11: с. 285].

В-третьих, символом зла в российском праве стали капиталистические страны и их правовые системы. Так, в 1924 г. в свет вышла одна из первых советских работ по международному праву Е.А. Коровина. Автор утверждал, что

«...общение на почве интеллектуального единства (идейной солидарности) между странами буржуазной и социалистической культуры, как правило, отпадает, и соответствующий ему комплекс правовых норм становится беспредметным, чем, однако, не исключается возможность частичного правового общения на почве признания ценностей так называемого общечеловеческого порядка...», — например, борьба с эпидемиями, охрана памятников старины, искусства и прочее» [12: с. 15].

В-четвертых, в связи с тем, что Советский Союз позиционировался как государство трудящихся, одним из символом зла в российском праве являлось тунеядство. Уже в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая была принята III Всероссийским Съездом Советов в январе 1918 г., а в июле 1918 г. стала составной частью Конституции РСФСР, было закреплено, что «в целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность» [10]. Статья 209 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. предусматривала, что занятие бродяжничеством или попрошайничеством либо ведение иного паразитического образа жизни наказывается лишением свободы на срок от одного года до двух лет или исправительными работами на тот же срок. Повторное привлечение к уголовной ответственности по той же статье наказывалось лишением свободы на срок от одного года до трех лет [26]. Примечательно, что распространившийся с 1960-х гг. термин «тунеядство» имел церковнославянское значение, представляя собой соединение двух слов: *туне* (даром, без платы, напрасно, без причины) и *ясти* (кушать, есть).

На современном этапе российское право имеет свои символы зла. К ним, безусловно, относятся: нацизм, что привело к включению в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи о запрещении реабилитации нацизма [27]; терроризм, что отразилось в том, что Российская Федерация подписала все международные конвенции о противодействии терроризму [30]; неурегулированность отношений нормативным путем, что способствовало законодательному буму [24] в России начала XXI века и т. д.

Таким образом, в истории российского права существовали и существуют определенные термины, слова, символизирующие зло. Их кодирование происходит как на сознательном, так и подсознательном уровнях. Достаточно долго в российской правовой культуре понятие зла ассоциировалось с понятием греха, который необходимо искупить. Символы зла в течение веков менялись, хотя многие тенденции сохраняются до сих пор.

Литература

1. Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
2. Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Изд-во «Праксис», 2013. 630 с.
3. Артикулы воинские от 25 апреля 1715 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. V. № 3006. С. 320–382.

4. *Волков С.Н.* Средневековый образ Люцифера как архетипический символ восприятия персонифицированного зла // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2010. № 1. С. 59–65.

5. Высочайше утвержденное 9 декабря 1804 г. положение «Об устройстве евреев» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXVIII. № 21547. С. 731–738.

6. Гражданский кодекс РСФСР от 11.11.1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904 | Российский правовой портал: библиотека Пашкова. URL: <http://constitutions.ru/?p=4844> (дата обращения: 17.08.2017).

7. *Гросул В.Я.* «Лихоимство есть цель всех служащих...»: о злоупотреблениях местных властей рязанской губернии накануне крестьянской реформы 1861 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2011. № 1. С. 18–26.

8. *Исаев И.А.* Зло, грех, наказание: герменевтические связи // *Lex Russica*. 2005. № 3. С. 417–435.

9. *Исаев И.А.* Политическое ощущение границы // *Lex Russica*. 2006. № 6. С. 1145–1160.

10. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

11. Конституция (Основной закон) СССР, утверждена Чрезвычайным VIII Съездом Советов СССР 5 декабря 1936 г. / Ю.С. Кукушкин, О.И. Чистяков // *Очерки истории Советской Конституции*. М.: Политиздат, 1987. С. 285–313.

12. *Коровин Е.А.* Международное право переходного времени. М.-Пг., 1924. 15 с.

13. *Краткая Русская Правда* / М.Н. Тихомиров // Пособие по изучению Русской Правды. М.: Изд-во Московского университета, 1953. С. 75–86.

14. *Мартышин О.В.* Вольный Новгород: общественно-политический строй и право феодальной республики. М.: Российское право, 1992. 384 с.

15. Новгородская Судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984. С. 304–308.

16. *Пространная Русская Правда* / М.Н. Тихомиров // Пособие для изучения Русской Правды. М.: Изд-во Московского университета, 1953. С. 87–112.

17. Примерный устав сельскохозяйственной артели от 3 ноября 1930 г. // Хлебобцентр (На фронте сельскохозяйственных заготовок). Еженедельный информационный бюллетень. 1931. № 11. С. 26–29 | Документы | Проект «Исторические Материалы». URL: <http://istmat.info/node/36770> (дата обращения: 17.08.2017).

18. Псковская Судная грамота 1462 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984. С. 331–342.

19. *Рикёр П.* Символика интерпретации зла // Электронная библиотека «litresp.ru». URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A0/rikyor-polj/konflikt-interpretacij-ocherki-o-germenevtike/6> (дата обращения: 17.08.2017).

20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263 (Комитет министров). Оп. 2. Д. 5758.

21. Соборное уложение 1649 г. // Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Московского университета, 1961. С. 70–429.

22. Судебник 1497 г. // Судебники XV–XVI веков / под общ. ред. Б.Д. Грекова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 19–21.

23. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1985. С. 97–129.

24. Тихомиров Ю.А. Россия переживает законодательный бум // КомиОнлайн — информационный портал Коми. URL: <http://komionline.ru:8080/news/19854> (дата обращения: 17.08.2017).

25. Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153 | Российский правовой портал: библиотека Пашкова. URL: <http://constitutions.ru/?p=5341> (дата обращения: 17.08.2017).

26. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8%20zl7flg7vLu4fDg5uDl8vH/Ю3ПЮIg7%207x6%20Xk7eXpIPDl5ODq9uj0&nd=102010096&page=1&rdk=0#10 (дата обращения: 17.08.2017).

27. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.08.2017).

28. Устав святого князя Володимира, крестившего Русьскую землю, о церковных судах // Памятники русского права: учебно-научное пособие: в 35 т. / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. Т. 1: Памятники права Древней Руси. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 461–462.

29. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, Высочайше утвержденное 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб.: Издательство Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846. Т. XX. Отделение I. № 19283. С. 598–1010.

30. Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А., Шулятьев И.А., Гонтарь Л.О. Правовые проблемы борьбы с терроризмом в условиях меняющегося мира и глобализации общественных отношений // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2 (63). С. 146–154.

31. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / перевод Е.Э. Липшиц. М.: Наука, 1965 // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ecloga.htm> (дата обращения: 01.09.2017).

Literatura

1. Aleksander Dzh. Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' // Sociologicheskij zhurnal. 2012. № 3. S. 5–40.

2. Aleksander Dzh. Smy'sly' social'noj zhizni: kul'tursociologiya. M.: Izd-vo «Praksis», 2013. 630 с.

3. Artikuly' voinskie ot 25 aprelya 1715 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie I. SPb.: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1830. T. V. № 3006. S. 320–382.

4. Volkov S.N. Srednevekovy'j obraz Lyucifera kak arxetipicheskij simvol vospriyatiya personificirovannogo zla // Sborniki konferencij NICz «Sociosfera». 2010. № 1. S. 59–65.

5. Vy'sochajshe utverzhdennoe 9 dekabrya 1804 g. polozhenie «Ob ustrojstve evreev» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie I. SPb.: Tipografiya

Vtorego otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1830. T. XXVIII. № 21547. S. 731–738.

6. Grazhdanskij kodeks RSFSR ot 11.11.1922 g. // SU RSFSR. 1922. № 71. St. 904 | Rossijskij pravovoj portal: biblioteka Pashkova. URL: <http://constitutions.ru/?p=4844> (data obrashheniya: 17.08.2017).

7. *Grosul V.Ya.* «Lixoimstvo est' cel' vsekh sluzhashhix...»: o zloupotrebleniyax mestny'x vlastej ryazanskoj gubernii nakanune krest'yanskoj reformy' 1861 g. // Vestnik Rossijskogo universiteta družby' narodov. Seriya «Istoriya Rossii». 2011. № 1. S. 18–26.

8. *Isaev I.A.* Zlo, grex, nakazanie: germenevticheskie svyazi // Lex Russica. 2005. № 3. S. 417–435.

9. *Isaev I.A.* Politicheskoe oshhushhenie granicy // Lex Russica. 2006. № 6. S. 1145–1160.

10. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Rossijskoj Socialisticheskoy Federativnoj Sovetskoj Respubliki (prinyata V Vserossijskim s'ezdom Sovetov 10.07.1918 g.) // SU RSFSR. 1918. № 51. St. 582.

11. Konstituciya (Osnovnoj zakon) SSSR, utverzhdena Chrezvychajny'm VIII S'ezdom Sovetov SSSR 5 dekabrya 1936 g. / Yu.S. Kukushkin, O.I. Chistyakov // Ocherki istorii Sovetskoj Konstitucii. M.: Politizdat, 1987. S. 285–313.

12. *Korovin E.A.* Mezhdunarodnoe pravo perexodnogo vremeni. M.-Pg., 1924. 15 s.

13. Kratkaya Russkaya Pravda / M.N. Tixomirov // Posobie po izucheniyu Russkoj Pravdy'. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1953. S. 75–86.

14. Marty'shin O.V. Vol'ny'j Novgorod: obshhestvenno-politicheskij stroj i pravo feodal'noj respubliki. M.: Rossijskoe pravo, 1992. 384 s.

15. Novgorodskaya Sudnaya gramota // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 1. M.: Yuridicheskaya literatura, 1984. S. 304–308.

16. Prostrannaya Russkaya Pravda / M.N. Tixomirov // Posobie dlya izucheniya Russkoj Pravdy'. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1953. S. 87–112.

17. Primerny'j ustav sel'skoxozyajstvennoj arteli ot 3 noyabrya 1930 g. // Xlebocentr (Na fronte sel'skoxozyajstvenny'x zagotovok). Ezhenedel'ny'j informacionny'j byulleten'. 1931. № 11. S. 26–29 | Dokumenty' | Proekt «Istoricheskie Materialy'». URL: <http://istmat.info/node/36770> (data obrashheniya: 17.08.2017).

18. Pskovskaya Sudnaya gramota 1462 g. // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 1. M.: Yuridicheskaya literatura, 1984. S. 331–342.

19. *Rikyor P.* Simvolika interpretacii zla // E'lektronnaya biblioteka «litresp.ru». URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A0/rikyor-polj/konflikt-interpretacij-ocherki-o-germenevtike/6> (data obrashheniya: 17.08.2017).

20. Rossijskij gosudarstvenny'j istoricheskij arxiv (RGIA). F. 1263 (Komitet ministrov). Op. 2. D. 5758.

21. Sobornoe ulozhenie 1649 g. // Tixomirov M.N., Epifanov P.P. Sobornoe ulozhenie 1649 goda. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1961. S. 70–429.

22. Sudebnik 1497 g. // Sudebniki XV–XVI vekov / pod obshh. red. B.D. Grekova. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 19–21.

23. Sudebnik 1550 g. // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 2. M.: Yuridicheskaya literatura, 1985. S. 97–129.

24. *Tixomirov Yu.A.* Rossiya perezhivaet zakonodatel'ny'j bum // KomiOnlajn — informacionny'j portal Komi. URL: <http://komionline.ru:8080/news/19854> (data obrashheniya: 17.08.2017).

25. Ugolovny'j kodeks RSFSR ot 1 iyunya 1922 g. // SU RSFSR. 1922. № 15. St. 153 | Rossijskij pravovoj portal: biblioteka Pashkova. URL: <http://constitutions.ru/?p=5341> (data obrashheniya: 17.08.2017).

26. Ugolovny'j kodeks RSFSR ot 27 oktyabrya 1960 g. // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii. Gosudarstvennaya sistema pravovoj informacii. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8%20zl7flg7vLu4fDg5uDl8vH/IO-3lIOIg7%207x6%20Xk7eXpIPDl5ODq9ujo&nd=102010096&page=1&rdk=0#l0 (data obrashheniya: 17.08.2017).

27. Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (red. ot 29 iyulya 2017 g.) // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii. Gosudarstvennaya sistema pravovoj informacii. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashheniya: 17.08.2017).

28. Ustav svyatogo knyazya Volodimira, krestivshego Rus'skuyu zemlyu, o cerkovny'x sudax // Pamyatniki rossijskogo prava: uchebno-nauchnoe posobie: v 35 t. / pod obshh. red. R.L. Xachaturova. T. 1: Pamyatniki prava Drevnej Rusi. M.: Yurlitinform, 2013. S. 461–462.

29. Ulozhenie o nakazaniyax ugolovny'x i ispravitel'ny'x, Vy'sochajshe utverzhdenoe 15 avgusta 1845 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie II. SPb.: Izdatel'stvo Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1846. T. XX. Otdelenie I. № 19283. S. 598–1010.

30. Chernogor N.N., Pashencev D.A., Shulyat'ev I.A., Gontar' L.O. Pravovy'e problemy' bor'by' s terrorizmom v usloviyax menyayushhegosya mira i globalizacii obshhestvenny'x otnoshenij // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2017. № 2 (63). S. 146–154.

31. E'kloga. Vizantijskij zakonodatel'ny'j svod VIII veka / perevod E.E'. Lipshicz. M.: Nauka, 1965 // Biblioteka e'lektronny'x resursov istoricheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ecloga.htm> (data obrashheniya: 01.09.2017).

A.A. Dorskaya

The Symbols of the Evil in the History of Russian Law

The evolution of the notion of social trauma coding of which occurred through the fixation of certain symbols of the evil is considered by the example of the history of Russian law in the article. The differences in understanding the symbols of the evil in secular and ecclesiastical law in different epochs are shown.

Keywords: symbols of the evil; social trauma; secular law; ecclesiastical law; abuse; Russian legal tradition; a crime.